

IN MEMORIAM

Алексей Романов

Школа Пятигорского

Мы утверждаем, что достойный человек не считает чем-то ужасным смерть другого, тоже достойного человека, хотя бы это и был его друг.

Платон, Государство 387d.

Создатели фильмов о А.М. Пятигорском не упускают такой экзотической особенности Александра Моисеевича, как приверженность его тибетскому буддизму. То есть не в качестве ученого востоковеда-буддолога, а именно приверженца всамделишного. При этом А.М. Пятигорский демонстрируется за чтением ламаистских мантр в ритуале подношения трем драгоценностям буддизма — Будде, Дхарме и Сангхе.

В начале 70-х вокруг Бидии Дандарона, буддолога и историка, после двух концлагерей оказавшегося в Питере, образовалась община интеллектуалов. Буддистская община включала в том числе ленинградские и московские интеллигентские кружки. Пятигорский был из Москвы. После разгона дандароновцев Пятигорского только «проверили», но не тронули. А в 74-м в мордовском концлагере на 60-м году жизни Бидия Дандарон «ушел в свою истинную природу», в «бардо дхарматы», а Пятигорский уехал в Лондон. Но, будучи к тому же по философской специальности буддологом, с тех пор и до конца жизни каждое утро начинал с чтения мантр, которые получил при посвящении в Бурятии. Подношение трем драгоценностям входило в этот ритуал. Вместе с Буддой — «истинной природой», Дхармой — учением по освобождению, третьей драгоценностью, то есть необходимой в ряду первых двух, упоминается еще и Сангха, община, в которой это учение по освобождению, дхарма, осваивается. То есть учение-дхарма только в сангхе-общине «дает плод», может успешно передаваться к тому способным.

Самыми непредсказуемыми путями такая философская сангха возникла в Риге и под непосредственным водительством Пятигорского энергично действовала 10 лет подряд, с 1997 до 2007. Через два года в Лондоне А.М. Пятигорский «ушел в свою истинную природу».

«Плод учения» этой философской общины внешне выглядел так: четыре открытых лекционных курса, прочитанных в Латвийском университете, пять международных симпозиумов в Звартаве, три летние школы в Павилосте. Университетские лекции были для всех без ограничений, на симпозиумах было человек 20-30, в летней школе — 7. Дальше шли уже только друзья. То, что настоящее и самое глубокое философствование возможно только как беседа с друзьями, мы найдем уже у Платона (VII-е письмо).

Мартин Хайдеггер предупреждал, что занятие философией может быть самой закоренелой формой самообмана в том, что мы мыслим только потому, что непрерывно «философствуем». «Философствуем» значит изучаем и комментируем философские тексты или придумываем свое видение и понимание чего-либо. Кто слышал А. Пятигорского, тот помнит его стиль рассуждений посредством блестящих и театрально излагаемых парадоксов, оказывавшихся в то же время началом глубоких и труднейших ходов мысли. В беседе с ним очень могло случиться (и еще как случалось), что какой-нибудь жизненный анекдот тотчас же продолжался рассуждением с чрезвычайно необычным поворотом мысли. В таких рассуждениях Александр Моисеевич не был обусловлен ни местом, казалось бы, самым для этого неподходящим, ни временем, ни даже слушателями. В фильме «Сбежавший философ» мизансцены таких рассуждений видны отлично — коммунальная кухня, тамбур вагона, лондонское такси... прибавим сюда еще академическую аудиторию. Такое впечатление, что А. Пятигорскому просто надо было о чем-нибудь заговорить, например, отвечая на вопрос, чтобы собеседник оказался тотчас ввергнутым в какой-то новый для себя способ отношений к своим же собственным обстоятельствам.

«Жить и философствовать для меня это вопрос физиологии и смерти». Но что тогда значит «философствовать» и что такое «мыслить»? «Мы только начали мыслить, а дальше может случиться многое. А может, как и бывает в 99% случаях, и ничего не случится». Спросим — почему что-то может случиться? Настоящая глубина обращения к предмету мысли переподчиняет этой обращенности и всю мою жизнь, и нечто случившееся в такой жизни становится одновременно и событием понимания неожиданно открывшихся вещей.

Пятигорский сам формулировал темы всех пяти симпозиумов в Звартаве, на которые приглашались философы из России, из Европы и из Америки. Вот эти темы, насколько верно я запомнил: «Личность, о которой я говорю», «Слово, которое я говорю», «Место, из которого я думаю», «Что я думаю о мысли, которую сейчас мыслю?» и «Я сейчас думаю»: что такое «я», когда я думаю?». Были и правила для выступлений и ведения дискуссий. Говорить можно было только от себя, не ссылаясь для подтверждения своих соображений ни на какие авторитеты. Каждый говорящий при этом должен представлять тоже только себя, а не школу, направление, страну, этнос, религию. В правилах был даже запрет на употребление некоторых слов, таких например, как деконструкция, дискурс, идентичность, интертекст и постмодернизм. Разумеется, подобные экстравагантные регулы (всего их было 10) давали участникам симпозиумов прекрасный повод для постоянного упражнения в остроумии, однако смысл этих правил и запретов совершенно ясен — в обращенности мышления к предмету мысли ты должен быть «голым». В полной мере такая «обнаженность» касается и языка мысли — по возможности это должен быть самый обыкновенный и ближайший язык повседневности безо всяких готовых «подпорок» во избежание самообмана. Иначе, по выражению Хайдеггера, из привычного круга науки и философии не выпрыгнешь, и придется довольствоваться 99 процентами «неслучившейся жизни». Такие условия мыслительной работы были мало подходящими для представителей академической науки — «голыми» они оказыва-

лись беспомощными и бесплодными. По этой причине в рижской «сангхе» на всех ее уровнях философы-«профессионалы» были редким и незавидным исключением, а «общину» составляли люди занятий самых разнообразных, от политика до кладбищенского сторожа.

Тем не менее в такой необычной аудитории занятия отнюдь не были любительщиной. Чтение и комментирование первоисточников требовали подготовки по меньшей мере на уровне студентов спецкурса. Дисциплина рассуждения была главным требованием, а условием такой дисциплины было никогда не терять из виду оснований своих рассуждений. Историко-философские экскурсы служили для этого материалом.

Умение задавать вопросы по существу дела означает и умение выстраивать ходы собственного мышления. Почему иначе как задавая вопросы мыслить невозможно? Заданный по существу вопрос есть свидетельство желания понимать и понимать определенным образом. Отсюда и исходило требование знать тексты, их историографию и текстологию настолько, чтобы задавать по ходу их чтения грамотные вопросы. Иначе следить за комментариями Александра Моисеевича было невозможно. Но даже спрашивая или выслушивая ответы на вопросы других ты все равно в конце концов на каком-то переходе срывался, в смущении отставал и оставался со своей темнотой. Может быть, именно о таком состоянии в фильме «Сбежавший философ» говорил Пятигорский, стоя в тамбуре вагона с сигаретой: «Что я знаю о себе, чего никто знать не может? Это непрерывная, пожизненная неясность для меня своего собственного мышления». Кажется, о подобной прижизненной неясности для стремящейся к собственной природе душе много говорит у Платона Сократ в диалоге Федон. Во всяком случае, такая неясность, осмелюсь предположить, для некоторых из нас была событием только периодическим. Станет ли оно пожизненным, зависит теперь от нас, от того, как каждый из нас распорядится этим «плодом учения», полученным в рижской «сангхе» на всех ее уровнях.